

Вячеслав Ворон

И тут случилась война

Вячеслав Ворон

И тут случилась война

«Автор»

2015

Ворон В.

И тут случилась война / В. Ворон — «Автор», 2015

Повесть и рассказы, о жизни детей в оккупированных и прифронтовых селах и городах в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Маленькие, но стойкие духом дети, пережившие все тяготы и лишения своей нелегкой судьбы, и прошедшие через ужасы войны.

© Ворон В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Уважаемый читатель!	5
И тут случилась война	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вячеслав Ворон

И тут случилась война

Посвящается моим родителям, Борису Константиновичу и Елене Павловне!

Уважаемый читатель!

Эта книга о войне, о детях, переживших ужасы и страдания, боль и разлуку. Дети войны – так сейчас записано в удостоверениях уже глубоких стариков. Дети войны – они называют себя сами. А задумывался ли ты, читатель, когда-нибудь, что это такое – Дети Войны? Со времени последней ужасной войны, развязанной фашистской Германией и унесшей более 20 миллионов жизней нашей многострадальной страны прошло уже 70 лет, а значит, тем, кому в начале ее было 6-10 лет, сегодня под 80 и за 80. И они смогли прожить эту войну и выйти из нее победителями. Эти жуткие четыре года, которые шла война, научили этих детей ценить каждую минуту собственной жизни. Война заставила 6-летних детей встать во главе семьи, пятнадцатилетних мальчишек и девчонок – отправиться на заводы и фабрики, а семнадцатилетних идти на фронт умирать. Это был их вынужденный выбор, ибо другого выбора их детство им не предоставило. Они так, по-детски, защищали свою Родину. Эти дети очень рано повзрослели, т. к. их детство было беспощадно украдено теми, кто, видимо, забыл, что сам был ребенком, кто забыл, что самое ценное, для каждого человека – жизнь и что никто не вправе лишать ее. Кто эти нелюди? Есть ли у них сердце, душа, страх перед Богом? Способны ли они к состраданию? Эти вопросы так и останутся риторическими, потому что нет на них однозначного ответа.

В памяти каждого человека навсегда остаются впечатления его детства. В памяти детей войны остались только война, голод, холод и жуткое желание выжить, всем врагам назло.

Что же такое – Война? Сколько боли, горечи, одиночества и смерти приносит она человеку? Неужели человек рожден для войны? Вопросы, вопросы, вопросы... Зачем человеку рождаться для разрушения? Человек рождается в любви и приходит в этот мир для познания, созидания и любви. Любви к родителям, детям, друзьям, Богу. Война противоречит нашему рождению. Она отторгает любовь. Она умерщвляет жизнь. Но жизнь всегда побеждает смерть!

На небе томны тучи загуляли,
От солнца заслонили часть земли.
Набатов тьмы грома загрохотали,
Пытаясь разлучить тебя с детьми.
Но узы твои, сшитые ветрами, —
Без брака и без лишних узелков.
Любовью с верой соткана веками,
Из ста народов, тысяч покровов.
Душа твоя чиста и непорочна,
Краса видна с высот небесных птиц.
При этом, свой кулак сжимая прочно,
Врага встречаешь у своих границ.
Так собери сестёр своих и братьев,
Верни в свой дом сынов и дочерей.
А из цветов лесных пошей рушник и платье,
Для встречи возвратившихся детей.

Открой свои широкие объятия,
По-матерински всех их нежно обними.
Истосковались без любви они, без счастья,
Вдали от своей матушки Руси.
Пора, пора расправить свои крылья
И белым ангелом на небе воспарить.
Пусть на тебя равняются, Россия!
Пусть учатся по-новому любить!

Рассказы, представленные в этой книге, – реальные истории, записанные со слов моих родителей, моих близких родственников, которым довелось пережить и испытать все тяготы и лишения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

И тут случилась война

Старая, раздолбанная подвода то и дело погружалась в размокшую, ухабистую дорогу, застревая в глубоких выбоинах, залитых доверху водой. Не прекращающийся неделю дождь не давал уснуть младенцу на руках совсем еще молодой женщины, бежавшей от ужаса войны вместе с мужем и еще тремя малолетними детьми. Полудохлая кобыла из последних сил вывозила телегу из ям, а глава семейства, суровый крепкий мужчина с землистым цветом лица и глубокими впадинами на щеках, время от времени прикрикивал на нее, когда та замирала на секунду перед очередным ухабом. Старшие ребяташки спали, невзирая на моросящий дождь и сырую погоду, укрывшись брезентовой тканью. И ни одна яма не могла пробудить их от усталости, накопившейся от длительного пребывания в пути. Отец семейства восседал в начале подводы, держа в обеих руках поводья и устремив тяжелый взгляд в горизонт, выискивая верный путь, ведомый только ему одному. Осень 1941 года выдалась ранней и дождливой. Война подступала все ближе и ближе к городу. И, как только танковые бригады фашистов появились на окраине Орла, глава семейства, не раздумывая, побросал необходимую утварь в телегу, запряг кобылу, усадил в неё семью и отправился в лес, дабы спасти своё, родное. Мысли о войне рождали в нем противоречивые чувства. Он, молодой, крепкий мужчина, не восстал против войны, а бежал от нее. И тут же находил себе оправдание, что бежал не из трусости и не по собственной воле, сама жизнь вынуждала это сделать ради самого сокровенного, что у него было. Ради четверых детей и жены. Не будь их, защищал бы он свою Родину вместе с такими же молодыми парнями, коих десятки, сотни тысяч ушли на фронт. И только мысли о детях, жене и их будущем оправдывали его решение. Семьей он дорожил. Жену и детей любил. И не допускал мысли, что кто-то или что-то может её разрушить. И даже война не способна это сделать. Возможно, таким отношением к семье он был обязан своим родителям, которые чтит и хранили семейные традиции своих предков. А возможно, и своему детству, в котором он повидал и детдомовских бродяг, и сирот, живущих по соседству в подвалах. В те предвоенные времена много осиротевших детей бродяжничало, скитаясь по городам и весям нашей необъятной страны, в поисках лучшей доли. Как бы там ни было, но, ещё, будучи юнцом, дал он себе клятву, что когда женится и родит детей, его отпрыски ни когда не будут испытывать лишения и тяготы жизни. И, тут случилась война.

Мокрый, продрогший, но не сломленный, мужчина умело управлял подводой. Он знал, что там, в глубоком лесу, его ждёт совершенно другая жизнь, полная лишений и страданий, и единственное, что согревало его душу, это то, что семья была с ним, и она была свободна. На горизонте появилась первая гряда деревьев. Глава семейства натянул поводья, дабы придать ходу кобыле, она взвизгнула, но ход не изменила. От её взвизга пробудились дети.

– Тять, а тять, чё это, бомбят? – спросил старший ребёнок, восьми лет от роду.

– Не, Иван, не бомбят. Вишь, кобыла прихрамывает, той она фыркнула, – ответил отец.

– А,далече нам ещё?

– Нет, сына, вона, вишь, деревья спереди, туды мы.

Леса на Орловщине были густые и непроходимые и для местного знатока представляли идеальное убежище. Дождь потихоньку начал отступать. Подвода въехала в лес. Дневной свет проникал сюда крайне затруднительно, кроны деревьев были раскидистые и мощные. Дети, прижимаясь друг к другу, своими тщедушными телами, задрожали. Не то от страха, не то от холода.

– Фёдор, чего-то зябко и боязно тута, – запричитала женщина.

– Не бойсь, Матрона, я рядом, а стало быть, все хорошо, – успокоил её глава семейства, и прoderнув поводья, тут же добавил: – Ну, пошла, плюгавая. Не бойтесь, дитятки, я от вас

никуда, я же ради вас и приехал сюды, ежели б не вы, то взял бы ружжо да пошёл немца лютого бить, – грубым и утвердительным тоном сказал Фёдор.

– И я с тобой пошёл бы, тять, – выпалил старшенький, Иван, приподнялся над телегой, сложил руки в автомат-пистолет и прокричал: – Тра-та-та-та.

– А ну, цыц, сядь, Иван, смотри ты, какой вояка отыскался, лес тишину любит, нечего его будить, – в приказном тоне пробасила Матрона.

Голос у неё с детства был тяжёлый и грубый: видать, от отца достался. Он у неё был моряком, командовал в Первую мировую сторожевым. После войны вернулся и стал пить, запойно и безбожно. Долго Матрона это терпеть не смогла и сбежала к бабке своей под Орёл. Так и росла она у бабки до шестнадцати. И, возможно, и дальше бы все так шло, но помогать надо было по хозяйству, бабуля уже была слаба. И устроилась Матрона, в свои шестнадцать с небольшим хвостиком, в коровник, находившийся недалеко от дома, и стала там трудиться. Через два года бабушка её померла, Матрона продала дом, собрала свои пожитки и отправилась из района в город, в Орёл. Устроилась на машиностроительный завод Медведева, в отдел кадров, поступила в вечернюю школу. Поселилась в общежитии от завода, завела себе новых подруг. Так и жила, днём работала, вечером училась, а по выходным с подругами гуляла. И в один прекрасный вечер в городском саду, на танцплощадке, повстречала своего Фёдора. Он её защитил от назойливых ухаживаний городской шпаны. Был один фрукт, который добивался её расположения, и, приметив её на танцплощадке, тут же взял дело в оборот и стал усердно помогать её на танец. Отказы на него не действовали, и тут появился он, Фёдор, крепко сложенный, спортивный и подтянутый молодой человек, с землистым цветом лица и глубокими впадинами на щеках. Он вежливо попросил надоедливового кавалера не приставать к девушке, кавалер ретировался, а Фёдор предложил Матроне прогуляться по саду. Прямо так и сказал:

– Пойдём отсель, тута беспокойно, глядишь, наведет шпаны этот ухарь, горя потом не оберешься.

В Фёдоре чувствовалась сила, такая природная, животная, кулачищи были, словно гири, большие и тяжёлые, а лицо, казалось, высечено из гранита. Глаза выражали уверенность, и когда Матрона в них взглянула, она без колебаний согласилась. Они вышли с танцплощадки на зависть подругам и назло злопыхателям, и направились по аллее вглубь сада. Сколько длился их первый вечер знакомства, она не запомнила. Он был бесконечно долгим, они гуляли по парку, рассказывая друг другу свои воспоминания детства, смеялись по поводу и без, пока горизонт не зардел первыми лучами солнца. Фёдор проводил Матрону до общежития, пожал ей руку, взглянул в её большие серо-голубые глаза и произнёс полупшепотом:

– Ты, Матрон, на танцульки-то эти не особо ходи, всякие шалопаи есть, дабы не искушать судьбу.

– А с тобой ежели я буду ходить, не страшно? – спросила Матрона.

– Со мной-то? – переспросил Фёдор. – Со мной не страшно, вся эта шпана меня чурается, я их с малолетства гоняю по задворкам.

– Ну, Фёдор, жду тебя через неделю, пойдем на танцы вместе, ежели ты не против? – нежным томным голосом пробасила Матрона.

Фёдор на секунду замешкался, землисто-серое лицо стало пунцово-красным, и голос едва сдерживал волнение:

– Я вот тоже хотел тебе это предложить. Его немного деревенский акцент на букву «о» придавал голосу определённый шарм.

– Тоды на том и порешим, – ответила Матрона, резко потянулась к Фёдору и поцеловала в щеку. После пристукнула каблучками и скрылась в дверях общежития. По коридору, дошла до своей комнаты, вошла внутрь, и, не снимая платья, упала в кровать. От ночного гуляния она мгновенно погрузилась в объятия Морфея. Ей снился Фёдор, его волевое лицо с впадинами

на щеках, крепкие натруженные руки, сжимающие её упругое молодое тело, жгучие черные глаза, и щетина на лице, которая слегка покалывала её губы, целующие Фёдора.

Всю неделю Матрона была загружена работой. Завод совершенствовался и требовал новых рабочих и инженеров. И молодая страна, взяв курс на модернизацию и индустриализацию своего хозяйства, возвращала, обучала и воспитывала ускоренными темпами молодых квалифицированных специалистов. Но каждый рабочий день её был наполнен им, Фёдором. Мысли о нем занимали все её свободное время. Она влюбилась, влюбилась, словно по мановению волшебной палочки, с первого взгляда. Ещё, будучи подростком, Матрона читала романы, в которых авторы повествовали о любви с первого взгляда, но в то время ей казалось, что такая любовь возможна только на страницах книг. Она даже представить не могла, что пройдёт совсем немного времени и она, подобно героине одного из романов, встретит свою любовь. Подруги её очень скоро заметили общую рассеянность и мечтательность Матроны. Она допускала ошибки в формулярах сотрудников, а иногда и вовсе их не заполняла. Ближе к выходным начальник отдела кадров вызвал к себе Матрону:

– И что это у вас, Матрона Ивановна, столько брака в работе, не иначе ваше внимание рассеянно, – поинтересовался он. И тут же добавил: – Впереди выходной, у вас есть время, чтобы все исправить, в противном случае я вынужден буду ходатайствовать перед директором завода о переводе вас на другую должность и даже другой отдел, где сейчас требуются рабочие руки, а не головы. Знаете ли, возможно, не всем дано работать с документами, кто-то и со станками управляться должен. Уяснили?

Матрона молча кивнула.

– Ну, коль так, потратьте этот день на исправление всех недостатков. Все, можете быть свободны.

Она вышла из кабинета, едва сдерживая слезы. Когда вернулась на рабочее место, подруги уловили её настроение и не преминули расспросить о разговоре. Выслушав ее до конца, соседка по комнате Лида, предложила ей свою помощь:

– Не дрейфь, подруга, я приду, помогу тебе, к вечеру управимся, пойдёшь ты на танцы со своим Фёдором. Ну, девчата, поможем нашей красавице? – Лида обратилась к окружившим Матрону девушкам.

– Поможем, где наша не пропадала, – дружно ответили подруги.

– Ой, девчата, ну что вы, а если начальник прознает? Что я ему скажу? – поинтересовалась Матрона.

– А чёй-то он прознает, мы ему не скажем, да и ты не проговоришься. Верно? – спросила Лида.

– Верно-то оно верно, а коль прознает? – засомневалась Матрона.

– А хоть и прознает, что же это, мы своей подруге помочь не можем? Мы же комсомолки.

– Да, мы, если надо, до парткома дойдём, мы за тебя горой, Матрона.

На следующее утро Матрона и подруги пришли в отдел кадров и стали проверять все формуляры, которые она же всю неделю заполняла. Работа спорилась, Лида с подругами находили ошибку, а Матрона тут же своим почерком переписывала формуляр. И уже к пяти часам вечера все недочёты были исправлены. Расправив плечи, затёкшие от долгого сидения, она поблагодарила подруг:

– Спасибо вам, мои дорогие, без вас бы я тут застряла надолго. Айда в общагу, я сейчас борща наварю, устроим себе праздник живота.

И дружная девчачья компания направилась в сторону общежития, где проживала Матрона. По пути они зашли в продуктовый магазин, купили все необходимое для приготовления борща, карамельных конфет к чаю и бутылку красного сладкого вина. Ближе к семи вечера стол был накрыт небогато, но сытно. В центре стояла кастрюля наваристого борща с половником,

по периметру стола аккуратно были расставлены тарелки, рядом лежали ложки, нарезанный ровными дольками чёрный хлеб был сложен в плетёную корзину.

– Девочки, ну что, заждались? Давай к столу, налягай на борщ, – пригласила Матрона.

Девчата спрыгнули с кроватей и в секунду оказались за столом. Кастрюля борща вмиг оказалась в тарелках подруг. Проголодавшись за целый день, девчата быстро опустошили содержимое, открыли бутылку вина, разлили её по стаканам, высыпали на стол карамель, и Лида сказала тост:

– Подруги мои, за многие годы, и учёбы, и совместного проживания мы уже сроднились с вами, миленькие, и сегодняшний день только это подтвердил. Подтвердил то, что мы способны, как настоящие комсомолки, подставить плечо помощи нашему другу. И я хочу пожелать нам и впредь быть чуткими и отзывчивыми, и чтобы никакие трудности нас не пугали. И ещё я хочу добавить от себя лично тебе, Матрона. Фёдор мужик видный, за него подзавода девчат хотело бы пойти замуж. Но повезло тебе, и я, подруга, хочу, чтобы счастье вам было, ежели вы поженитесь. А что? Чем черт не шутит, глядишь, и свадьбу вам с Фёдором сыграем.

Она протянула гранёный стакан, и все дружно, подбадривая Матрону, чокнулись и выпили залпом.

Слегка охмелев, Матрона стала говорить:

– Спасибо вам, девчата, за помощь вашу, за дружбу. Я ведь, когда в школе обучалась, ни с кем толком и не дружила. Семья у нас была большая, у мамки было восемь детей, и все почти погодки. Я – старшая, а стало быть, и помощница, и прачка, и хозяйка по дому. Пока матушка управляется с маленькими, я средненьких и в школу собираю, и завтраком накормлю. А уж когда сама до школы дойду, так устану, что до парты дотяну и сплю с открытыми глазами.

Девушки весело расхохотались.

– Да, так и было, – продолжала Матрона. – Сяду на последнюю парту и сплю, и слушаю, голова моя так хорошо все запоминала, особенно во сне. Приду на следующий день, меня преподаватель спросит: «Расскажи-ка нам, Матрона, про войну 1812 года?». И, только я подумаю: «Чё я про неё знаю-то?» – как, бац, все в моей голове выстраивается по памяти. А ничегошеньки же не учила, не успевала я. Так и жила, однокашники за глаза называли меня вундеркиндшей и дружбу со мной не водили, с утра до вечера мамке помогала, то постирать, то убрать чего, то воды наносить, то в магазин сходить, то огород прополоть. Батяка мой, выпивоха был, и гуляка. Мать его боялась. Он как маханет самогонки или этой, белой, как её, водки, дык вся семья под кроватями и прячется. Буйный он от выпивки становился. Мог и матушку поколотить, и нас тоже. Было дело. А когда я стала уже в девку превращаться, он глаз на меня свой положил. Демоны взыграли. Я, дабы не доводить дело до греха, к бабке своей и сбежала под Орёл. Матери только сказала, что боле не могу прятаться и бояться. У бабули полегче было, но тож не малина. Старая она была, слабая, чтобы учить меня денег не хватало. А тут из дома мне похоронку прислали, уснул пьяный батя с махоркой своей в руке и спалил дом, со всей родней. Бабка от горя совсем слегла, да так до самой своей смерти и не встала. Я помогала ей, как могла, устроилась в коровник, школу оставила, а после её смерти все продала и уехала. И теперь я здесь, с вами, и я поняла, что такое дружба.

Её веко заметно дернулось, и слезы градом покатались по Матрониным щекам. Лида разрыдалась вместе с ней. Подруги наперебой начали успокаивать то Матрону, то Лиду.

В дверь постучали. Девчата, словно по команде, застыли в молчаливом недоумении. В дверь снова постучали.

– Кто это? – пробасила Матрона, утирая слезы.

– Это Фёдор, – ответили из-за двери.

– Ой! – прошептала Матрона. – Чё, делать-то?

– Чё, чё, иди открывай. Он же к тебе, поди, пришёл, – сказала одна из подруг.

Матрона окончательно вытерла слезы, поправила ситцевое платье, шагнула к двери и открыла её. На пороге стоял Фёдор в штанах-трубах, рубашке-косоворотке, в одной руке держал букет из ромашек, в другой – чёрный льняной пиджак. Безусловно, он был красив и статен. Его широкие плечи и волевое лицо выдавали в нем сильную личность.

– Проходи, Фёдор, познакомлю тебя с девушками, – сказала Матрона.

– Да чего уж там, на вот, – он протянул ей цветы. – Я тебя подожду здесь, гулять пойдём?

– Пойдём, – ответила Матрона. – А с подругами, стало быть, знакомиться не будешь? – она взяла цветы из рук Фёдора. – Лид, поставь в банку, пожалуйста, – и тут же протянула их Лиде.

– Я подожду, – сухо ответил Фёдор и прикрыл дверь.

– Ух, какой, строгий, но красив зараза. Глаза – словно выстрелы, ранят. Смотри, Матрон, не обожгись, – посетовала одна из подруг.

– Да уж постараюсь.

– Да уж постарайся, а мы, чем можем, тем поможем, – сказала Лида, набирая в трехлитровую банку воды.

Матрона подвела карандашом стрелки под глазами, припудрила заплаканные щеки, накрасила красной помадой губки и выпорхнула за дверь.

– Ох, влюбилась наша Матреша, – съязвила Лида.

Девушки расхохотались.

Фёдор стоял у окна в конце коридора общежития. Она подошла, взяла его за руку, и они вышли на улицу. Пройдя несколько метров, Матрона обернулась и взглянула на окно своей комнаты, выходившее во двор. Все подруги, прильнув к окну, не стесняясь её взгляда, тараторчили на Федора. Она кивком головы дала понять им, чтобы они скрылись, но никто её не послушал. Так и проторчали они у окна с нескрываемой завистью, пока их подруга не исчезла за углом общежития.

В этот вечер Матрона говорила без умолку. Возможно, хмель в её голове ещё давал о себе знать. Под её монолог они незаметно для себя оставили позади танцплощадку, парковые аллеи и оказались на берегу реки. От воды веяло холодком. Фёдор предусмотрительно накиннул на плечи Матроны пиджак и приобнял её. Его крепкие руки и нежная забота о ней заставили её замолчать. Матрона неожиданно для себя почувствовала непреодолимое влечение к Фёдору. Её тело, словно та река, у которой они стояли, наполнилось бурлящими потоками естественного желания. Фёдор развернул её к себе и поцеловал в губы. Теплота и припухлость девичьих губ разбудили в нем неистового любовника. Он принялся целовать её шею, плечи, руки. Потом снова губы. Опять плечи. Матрона совсем не сопротивлялась, она покорно отдавалась природному инстинкту, её руки обвились шею Фёдора, и губы податливо принялись зацеловывать его лицо. Фёдор, словно опытный любовник, дюйм за дюймом покрывал её поцелуями, Матрона отвечала взаимностью. Ситцевое платье вмиг оказалось на траве. Поцелуи Фёдора не давали ей опомниться, и она покорно прилегла на платье. Её точеная фигурка оказалась в крепких объятиях мужчины, которого она видела второй раз в жизни, но чувствовала, что он её, – навсегда. С ним не страшно и в первый раз. Фёдор с присущей мужской напористостью резко вошёл в неё. Боль и одномоментная радость завладели её ощущениями, доселе ей неизвестными, но боль быстро отступила, оставляя девичью невинность в прошлом и уступая место нерастраченной нежности и неземной любви. Обнимая её тело, Фёдор искусно покрывал грудь поцелуями, непорочная Матрона пахла ромашками и молоком одновременно. Их тела двигались в такт с мерцанием первой звезды на вечернем небе, и сама матушка земля помогала в этот момент им обрести друг друга. Матрона все крепче обнимала Фёдора, её страсть, неизвестная даже ей самой, переполняла её молодую упругую грудь. В какой-то момент она почувствовала, что теряет сознание, наслаждение от удовольствия достигло своего апогея, она застонала и обмякла, словно от усталости. Тело Фёдора наоборот напряглось, как сталь, голова

запрокинулась за спину, он издал звук, похожий на рык льва, и крепче обнял Матрону. Яркая вспышка экстаза повергла обоих в оцепенение. Минуту они лежали и смотрели на звёздное небо, первым заговорил Фёдор вкрадчивым нежным голосом:

– Ты, это, Матрон, как?

От такого нелепого вопроса Матрона расхохоталась. Её смех эхом разлетелся по прибрежной полосе, и казалось, что сама река вторит ей.

– Фёдор, что как, не пойму я тебя? – чуть погодя ответила Матрона. – Я-то хорошо, Федя, только как это получилось, я в толк взять не могу, но что есть, то уже случилось.

– Я и сам-то не понял, как это я, ну, сама понимаешь, – смущенно ответил Фёдор.

– Я-то понимаю, Федя, что люблю я тебя, люблю всего тебя, мой милый. Родной ты мне, вот и отдалась я без стыда за себя. С первого взгляда люблю тебя.

– Матрон, а я-то что, я тож тебя люблю, и не мене тваво, с первого самого, как ты говоришь, взгляда. Так это, чё нам теперь-то делать, после этого?

– Чё делать? – переспросила сама себя Матрона. – Откуда же мне знать? Может, у девчат моих спросить, чё будет и чё делать? Я в этих делах неопытная, ежели ты успел заметить.

– Вот и я неопытен, не было у меня до тебя никого, и такого тож не было.

Матрона повернулась к нему и положила свою голову на грудь Фёдору. Лёгкий ветерок начал холодить распаренное тело, и ей захотелось обычной человеческой теплоты, которая исходила от Фёдора.

– А знаешь, Матрон, может, нам пожениться? Я так-то готов взять тебя в жены, – добавил Фёдор.

– Может, – прошептала Матрона. – Может, пойдём, Федь, домой, поздновато уже и холодеет.

Они встали, оделись в свои одежды и направились в сторону общежития. Весь путь они шли молча, обдумывая случившееся. Войдя во двор, Матрона заметила, что окно её комнаты не светится. Фёдор остановился у подъезда, приобнял её, поцеловал в распухшие от поцелуев губы и сказал:

– Что ж, Матрона, жди сватов. Да не откажи жениху.

Она погладила его по роскошной шевелюре и низким голосом ответила:

– Будет тебе дурачиться. Ты разве не понял, твоя я, Федя, твоя и ничья боле.

Она тихонько пробралась в свою комнату, на цыпочках дошла до кровати, сбросила платье и улеглась в неё. Голова по-прежнему была занята Фёдором. Мягкая нега разлилась по её телу, и она крепко уснула.

Прошла почти неделя, Матрона нигде не встречала Фёдора и никаких сватов не появлялось. Она начала страдать, и не оттого, что потеряла девственность в первую встречу, а оттого, что не могла себе представить, что она без него. Но страдания её были недолгими. В субботу, вернувшись с работы вместе с подругами в общежитие, она заметила, что крыльцо украшено цветами.

– Ой, девчат, а кто это у нас замуж собрался? – спросила подруг Лида.

– Да вроде никто. Не знаем, – ответила одна из подруг.

Матронино лицо стало пунцовым.

– Надо выяснить, – не унималась Лида. Айда, девчат. Она увлекла всех подруг внутрь здания. Весь пол коридора был устлан лепестками роз до самой комнаты, где проживала Матрона с подругами. Лида распахнула дверь в комнату и застыла в изумлении.

Вся их небольшая комнатуха была декорирована цветами. Цветы были везде – на кроватях, люстре, подоконнике. Они были перевязаны атласными лентами. В центре комнаты стояли четыре дородных парня в белых косоворотках, штанах, заправленных в черные яловые сапоги.

– Проходите, девицы красные, мы к вам свататься присланы, – сказал один из парней.

– И кем же это вы присланы и по чью из нас? – спросила Лида. – Ах, дайте-ка я угадаю. Неужто к Матроне сваты?

– К ней самой, к Матроне Ивановне, – ответил парубок и добавил: – От Фёдора мы.

– А коль так, то вот она. Лида выдвинула Матрону перед собой. Один из парней подошёл к окну перегнулся через подоконник и присвистнул. Через мгновение на пороге стоял Фёдор в красной шёлковой рубаше, подпоясанной черным широким поясом, штанах-трубах и туфлях лодочками.

– У вас, девчата, есть цветочек, а у нас – глядите, какой горшочек, нельзя ли ваш цветочек пересадить к нам в горшочек? – затрубили сваты.

– Наш цветочек – то, что надо, посмотри на стебелек. Он и тонок, и высок, требует к себе вниманья, чтоб не ведать увяданья.

– Ну, пропасть мы не дадим, если надо – подсобим. Пересадим ваш цветочек в наш брильянтовый горшочек.

– Пересадим, коли так, только раз и на века.

Девчата дружно рассмеялись. Федор подошёл

к Матроне приобнял её за талию и спросил:

– Матрона, выйдешь за меня замуж?

– Выйду, Федя, люб ты мне, – моментально ответила Матрона.

– Ой, да что же вы стоите, присаживайтесь за стол. Ну-ка, девчата, помогите сватьёв накормить, – сказала Лида.

Девушки немедленно покрыли скатертью стол, нарезали хлеб, вытащили из запасников соленья и консервы, разжарили картошки и поставили заранее припасенную бутылочку красного полусладкого. Парни из карманов штанов повытаскивали всевозможные сладости от пряников до карамельных конфет, Федор поставил рябиновую настройку. В этот вечер они ещё долго не расходились, все говорили о предстоящей свадьбе, пели, шутили и даже плясали. В одиннадцатом часу к ним заглянула дежурная и предупредила, чтобы хлопцы не засиживались, т. к. режим нарушать не положено. Прощаясь, Фёдор поцеловал Матрону в щеку, дабы не смущать остальных обитательниц комнаты, пообещал завтра зайти за ней, чтобы познакомить её с его родителями, пристукнул туфлями-лодочками и, абсолютно счастливый, удалился. Сваты ушли вместе с ним. Девушки оперативно убрали со стола, помогли

Матроне помыть посуду. И, уже лежа в кровати, Лида вдруг шёпотом спросила:

– Матреша, не спишь? Скажи, ты и вправду любишь его?

Матрона не спала, от внезапно навалившегося счастья сердце девушки вырывалось из груди.

– Нет, Лид, не сплю. Очень люблю его, девчат, вот с первого дня, как увидала, так он мне в душу и проник. Ни дня не было, коли б я о нем не думала.

– Матреш, в народе говорят про таких, как он, что бабы к нему льнут, сами на шее виснуть будут. Не боязно?

– Отчего ж не боязно? Боязно, только не могу я без него. Люблю его. Да разве все мои душевные тайны вам расскажешь. Чему быть – того не миновать. Кажись, так ещё в народе говорят. Все, девчат, давайте спать. Утро вечера мудренее.

Матрона отвернулся к стене, обняв подушку руками.

– Ох, и счастливая ты, Матреша. Первый парень на районе – и сразу твой. А мне этот кучерявенький приглянулся, дружок его. По мне так тож хорош, – добавила Лида.

– Это Сашка, что ли? – переспросила одна из подруг.

– Да, он самый, – ответила Лида.

– Ну, ты, подруга, не промах, смотри, влюбишься.

– А что, и влюблюсь, сколь мне в девках-то сидеть?

– Сашка – парень видный и толковый. Гляди, за год уже помощник мастера участка, того глядишь начальником станет.

– Девчат, давайте спать, сосватаем мы тебя Сашке. Только не сегодня, – пробасила Матрона.

Лида согласилась с Матроной и замолчала.

Лежа на животе и обнимая обеими руками подушку, Матрона незаметно для себя погрузилась в глубокий сон. Ей снилась её деревня под Орлом, её мать и отец в военном кителе, при орденах. Они сидели за большим столом, по правую руку отца расположились её братья и сестры, а рядом с матерью – бабушка. Матрона вместе с Фёдором стояла на пороге и пыталась рассказать родителям про него. Но голос был беззвучным, словно она говорила, а её никто не слышал. Отец переспрашивал её после каждого слова, мать разводила руками, не понимая её, и только бабушка все слышала и понимала. Она кивала головой, когда Матрона представляла Федора. По её просветленному лицу было видно, что она одобряет выбор внучки. Отец показал жестом, чтобы она присела с Фёдором напротив, но бабушка запричитала и указала ей на выход. Она махала руками и что-то причитала себе под нос. По отрывкам её фраз, Матрона услышала, возможно, то, что впоследствии определило её дальнейшую судьбу: «Ты иди, внучка, не надо с нами за стол, не время ещё. Иди, рожай детей, и расти их. Это твоё житие. Мы тут сами по-семейному управимся». Стол стал удлиняться, и мама, отец, братья и сестры, и бабуля – вместе с ним. Внезапно появившаяся дверь перед столом вдруг резко захлопнулась с характерным стуком. Матрона от испуга вздрогнула и проснулась. За окном было раннее утро, а на пороге у двери стояла Лида с полотенцем наперевес и взъерошенными после мытья волосами.

– Извини, подруга, что разбудили тебя, сквозняк, вот и не удержала дверь. – оправдываясь сказала Лида.

Матрона одобрительно моргнула, но ничего не сказала. Странный сон ещё оставался в её памяти, и она прокручивала его в голове бесконечно. Ей хотелось все рассказать подругам, но что-то глубоко внутри её запрещало это делать. Так, не вставая с кровати и уткнувшись в подушку, она пролежала до обеда. Как раз к этому времени пришёл Фёдор. Узнав, что Матрона ещё отдыхает, присел на лавочку во дворе общежития ждать её.

Ждать пришлось долго. Но любовь умеет ждать. Через пару часов, Матрона, в новом платье из синего льна в крупный белый горох, в туфлях-лодочках на каблучках, с пышными начесом на голове, вышла из общежития. В лучах летнего солнца она ступила на дорожку, утопающую в зелени акаций, и её походка была столь грациозна, а фигурка тонка, что Фёдор застыл, в изумлении приоткрыв рот.

– Федя, что с тобой, милый? – спросила Матрона, подходя к Фёдору.

– Да со мной приступ от твоей красоты, – проокал Фёдор. – Ты, Матрон, неземна, ты – моя богиня.

Он взял её за руку и поцеловал в щечку. Подруги, все это время торчавшие в окне, дружно захлопали в ладоши. А Лида ещё и прикрикнула:

– Федь, ты это, смотри, не проморгай нашу Матрешу, и Саньке от меня привет передай.

– Не проморгаю, не боюсь, я её крепко держу.

Он сжал её руку в своей с силой. Матрона посмотрела на него с улыбкой.

– Сашка мой приглянулся тебе, да, Лидок? – спросил Фёдор.

– Ну, не знаю, поживем увидим, – пококетничала Лида.

Он махнул рукой в сторону окна, где была Лида, и обратился к Матроне:

– Ты как, Матреша? Как спала?

В её голове снова возникла немая сцена сна. Но та же сила не позволила ей рассказать свое сновидение.

– Нормально, Федя, о тебе все думала.

Она прижималась к его руке своим плечом и вся светила от счастья. Её походка была легка и непринуждённа, каблочки отрывались от земли и словно по ветру несли её к этому счастью.

Фёдор жил у самого завода, можно сказать – прямо за воротами. И чем ближе они подходили к его калитке, тем сильнее она ощущала дрожь в коленях, которая постепенно передавалась всему телу. Фёдор успокоил её:

– Не дрейфь, Матрон, я рядом, а если я рядом, то что?

–.. То я ничего и никого не должна бояться, – продолжила Матрона дрожащим голосом.

– Дык и не бойси. Чего дрожишь, будто осиновый лист. Поди, не съедят тебя там, а токмо накормят, – пошутил Фёдор.

– Ага, Федь, тебе легко говорить, то ж твои родичи, а мне каково?

Они вошли во двор дома. На улице их встречала женщина с распущенными иссиня-черными волосами, вьющимися от природы, щеки её были слегка впалые, с заметными ямочками, глаза – черные-пречерные, даже зрачков не видно. Фёдор походил лицом на неё. Не поднимая взгляда, женщина пригласила их в дом. Войдя внутрь, Матрона слегка опешила: картина, представшая перед её глазами, уж больно напомнила ей ночной сон.

Во главе стола сидел отец Фёдора, по левую руку его – две сестры, место матери было свободно, и для полноты картины не хватало только бабушки. Отец заговорил первым:

– Что, Федор, усаживай гостью, бум знакомиться.

Фёдор ловко отодвинул из-за стола стул и указал на него Матроне. Она послушно присела, рядом разместился он сам.

– Вот, батя, это и есть моя Матрёша, – не дожидаясь вопроса, выпалил Федор.

Мама Федора начала подавать на стол всевозможные кушанья, приготовленные ею заранее. Сестры умело управлялись с ложками и половниками, да так, что тарелка Матроны вмиг наполнилась разносолами. Батя открыл бутылку вина, разлил себе и Федору.

– Традиционно в нашей семье женщины не пьют, поэтому, барышня, вам не наливаю. Наши женщины воспитаны хранить очаг и рожать детей.

Говорил он строго, и в его словах присутствовал небольшой акцент.

– Меня зовут Андреас Анастасович, род наш берет начало от греческих переселенцев, пришедших вначале на Азов, а уж после переехавших сюда, на Орловщину. Отца моего, то бишь деда оного, – он указал на Федора пальцем, – служить направила сюда страна. Жена моя, Анна, тоже

гречанка. Ты присядь, Аннушка.

Она, повинуясь предложению Андреаса Анастасовича, покорно присела по его правую руку.

– А вы, Матрона, чьих будете? – задал вопрос отец.

– Я... – неловко начала Матрона. – Сама-то из местных, здесь мы жили, под Орлом, родители мои рано померли (она намеренно скрыла семейную трагедию, уж больно строго в нее впились глаза матушки Федора), я росла с бабушкой, а когда и она померла, я приехала на завод и работаю здесь, в отделе кадров.

Мама Федора наклонилась к отцу и что-то прошептала ему на ухо.

– А живешь-то где?

– Здесь, недалече, на Комсомольской, в общежитии.

Матушка опять, что-то прошептала на ухо отцу.

– Фёдор нам сказал, что хочет тебя взять в жены, мы противиться его решению не станем, не в наших это традициях, коль решил он, то его это ноша будя. Токмо жить где будете? У нас вон ещё две девки, а комнат, сама вишь, негусто, зала и спальня.

Матрона приободрилась и почувствовала некое облегчение в нелёгком, похожем на допрос, знакомстве.

– Я, Андреас Анастасович, в отделе кадров тружусь, попрошу начальство, выдадут нам комнату в общежитии, как молодой семье.

Отец перевел взгляд на Фёдора и обратился к нему:

Ну, а ты, Федя, что молчишь, словно воды в рот набрал, расскажи мне и матери, как с семьёй будешь управляться? Барышня, как я погляжу-то, не промах, за себя постоять может.

– Чё, батя, как? – робко переспросил Федор. От этой робости Федор походил на неоперившегося птенца. – Я же работаю, неплохо зарабатываю, попервости хватит, а там посмотрим, на очередь встанем на квартиру или дом начну строить, пора мне, батя, и это... – он понизил голос. – Люблю я её, батя, никто мне кроме Матрешки не нужен.

Отец посмотрел на Матрону, потом на своих дочерей-подростков, на жену свою, Анну, взял стакан и сказал:

– Коли любишь, то мы, Федя, с матерью даем добро, парень ты уже самостоятельный, с шестнадцати годков трудишься, и работы не чураться, женись.

Он протянул стакан к Фёдору, они чокнулись ободками, и выпили залпом. Затем, не говоря ни слова, словно по команде, все дружно принялись есть. До вечера отец ещё часто обращался с вопросами, то к Матроне, то к Фёдору, выпивал вина, закусывал. Потом пили чай с конфетами и пряниками, но ни мать Феди, ни сестры так за все время знакомства и не проронили ни слова. Иногда

Анна что-то шептала отцу на ухо, после чего он почему-то обращался с новым вопросом к Матроне. В целом знакомство оказалось не столь простым, коим его себе представляла Матрона. Она чувствовала, что мама Фёдора была далеко не в восторге от предстоящей свадьбы, а сестёр, похоже, совсем не заботила будущая жизнь брата. В конце вечера согласовали время будущей свадьбы, которую решили отыграть в конце лета или, на худой конец, в начале осени во дворе родительского дома, накрыв столы для родственников, друзей и соседей.

В этот вечер, провожая Матрону в общежитие, Фёдор уже по-мужьи прижимал за плечо Матрону. Шли молча, и только подойдя к общежитию, Фёдор сказал:

– Не дрейфь, Матрона, все будет хорошо, со мной тебе никогда не будет страшно, я тебе обещаю, разве ты ещё этого не поняла?

– Что ты, Федя, все я уже давно поняла, только больно родичи у тебя строгие, матушка, вон, ни слова не проронила.

– Ну, тебе не с матушкой жить, а со мной. Хотя она така. Я её тока и боялся в детстве, могла она мне поддать за мое озорство. Батя, он голова, он все работает, а мать воспитывает.

– Оно и видно, батя все меня расспрашивал, а матушка все ему подкидывала на ухо новые вопросы, – Матрона едва усмехнулась.

– У нас не принято, чтобы женщина задавала вопросы незнакомому человеку, вот когда мы поженимся, она своё ещё возьмёт, – тоже усмехнулся Федя, в нём чувствовалось, что играет винный градус. Он приобнял за талию Матрону, притянул её к себе и тихо прошептал ей на ухо:

– Я, Матреш, не могу забыть тот вечер и снова хочу все повторить, токмо не на речке, зябко все же там.

Матрона расхохоталась в полголоса.

– До свадьбы ни-ни, – повела она указательным пальцем перед лицом Фёдора и тут же добавила: – Ладно, Федь, шучу я. Я же не из камня и тоже хочу быть с тобой. Не дрейфь, как ты говоришь, найдем время.

Она поцеловала Фёдора в кончик носа, пристукнула каблучками, вырвалась из цепких объятий и удалилась в общежитие.

Конец июля и весь август Матрона и Федор провели в заботах о будущей свадьбе. Периодически они находили время побыть вдвоем, и, естественно, их отношения и любовь крепили. По просьбе Матроны Сашка стал свидетелем на свадьбе со стороны жениха, а Лида – со стороны невесты. Их отношения начали развиваться не менее стремительно, нежели Матронины с

Федором. В начале осени сыграли-таки свадьбу. Был погожий осенний денек, столы выставили прямо во дворе Федино дома. Со стороны Матроны гостей было немного, все ее подруги по общежитию, несколько подруг по работе, начальник отдела кадров, и все. А со стороны Федора присутствовала вся его этническая родня и также многочисленные друзья. Подарков надарили много, что для начинающей свой путь молодой семьи явилось хорошим подспорьем в будущем. Празднование длилось до пяти утра следующего дня, но молодожены удалились ранее. Их на милицейской «Волге» отвез в общежитие двоюродный брат Федора, который работал в органах водителем. Комнату для будущей семьи завод выделил загодя, Матрона даже успела ее обустроить. Кровать, правда, смогла достать только полуторку, но зато новую, без скрипа и полностью из нержавейки. К концу осени стало ясно, что она в положении, и молодая активная работница отдела кадров выбила себе от завода квартиру, небольшую двухкомнатную, с крошечной кухней, но зато свой кусочек семейного счастья. На скопленные деньги смогли купить только платяной шкаф, стол со стульями и от родителей Феде получили в подарок трюмо. Кухню Федор сколотил сам, руки у него были мастеровые. Кухня получилась что надо, на фасадах шкафчиков он умудрился сделать резные наличники и накладки, выкрасил ее голубой краской, установил и навесил петли. На заводе смастерил и выточил на токарном станке ложки, вилки, ножи и другую кухонную утварь. Потихоньку молодая семья наладила быт. Матрона на восьмом месяце ушла в декрет и довела начатое обустройство семейного очага до завершения. Появилась одна двуспальная кровать, соседи подарили ей деревянную детскую кроватку, Лида, к тому времени уже вышедшая замуж за Сашку, подарила коляску и много ползунков. Так они и жили в ожидании рождения ребёнка. И он не заставил себя долго ждать, родился сразу после зимы. Его нарекли Иваном в честь Матрониного отца. А через год Матрона понесла ещё одного пацана, через полтора – ещё. Детки росли ладные, здоровые, Фёдор хорошо зарабатывал, и семья крепла и расцветала. На шестое лето от рождения Ивана Матрона снова родила, но уже девочку. И тут случилась война.

Немецко-фашистские захватчики начали активно наступать. На Орловщине в первые дни войны началась мобилизация. Все предприятия были переведены на круглосуточный режим работы. В июне случился первый вражеский налёт. Линия фронта стала неумолимо приближаться к городу, все предприятия подлежали немедленному демонтажу и передислокации в тыл. Завод Медведева не стал исключением. Семья готовилась к отбытию в восточные области страны. Отца

Фёдора с первых же дней призывали на фронт. Фёдор и сам несколько раз ходил в военный комиссариат и добивался своей отправки. Но постоянно получал отказ по семейным обстоятельствам. Комиссар так и говорил: «Вижу, что ты, Фёдор, рвешься на фронт, и даже приветствую твоё рвение, но коль нарожали вы с Матроной детишек, то их тоже должен кто-то вырастить, и кто, если не вы, если не ты, их отец и родитель». И когда осенью случились первые бои на окраине Орла, Фёдор, не раздумывая, собрал все свои пожитки на подводу, одолженную у заводского хозяйства, погрузил туда свою семью и направился в Медведевский лес.

Фёдор ещё с раннего детства отличался решимостью и сообразительностью. Он был рождён в семье этнических греков, переселенных в XVII–XVIII веках в Приазовье. По тогдашнему указу Екатерины II в 1779 году был в этом районе образован греческий округ, состоящий из 24 поселений, жители которого освобождались на десять лет от всех повинностей. Далёкие предки Фёдора, прибывшие в эти места, были мельниками, но впоследствии сельский быт и разрастание самой семьи расширили сферу деятельности глав семейств. Женщины традиционно занимались детьми, приготовлением пищи и домом, а мужчины работой и обеспечением семьи. Отец Фёдора после окончания школы милиции получил направление в Орел. По прибытии на службу государство его обеспечило служебным жильём. Это была квартира в двухэтажном бывшем бараке, переоборудованном для проживания, с отдельным входом и собственной придомовой территорией, где разместился небольшой курятник, в котором отец выращивал кур

и кроликов, собачья будка, а также сарай для угля, которым топили печь для приготовления пищи и обогрева зимой. Здесь родился Фёдор, через три года родилась средняя сестра, а ещё через два – младшая. До четырнадцати лет Фёдор ничем особым не выделялся среди сверстников. В школе учился так себе, по некоторым дисциплинам даже приходилось нанимать репетиторов, дабы совсем не отстать от одноклассников. Но в четырнадцать он неожиданно для всех окреп, в его фигуре появилась спортивная стать, широкие от природы плечи, развитая мускулатура и огромные кулачищи привели его в секцию бокса, где он день за днём проявлял недюжинные способности волевого и перспективного спортсмена. Его природный физический талант помог достичь небывалых успехов в спорте за короткий срок. Так, с начала занятий и по прошествии трёх месяцев Фёдор, выступая на районных соревнованиях, победил сразу трёх соперников – титулованных и имеющих спортивные регалии. А уже через полгода он уверенно защитил титул чемпиона местных боксерских клубов. Дальше – только больше, Фёдор понял, что в его руках инструмент, которым он может не только защищаться, но и приводить в восторг местную шпану и одноклассниц. За год он заработал непререкаемый авторитет среди уличного хулиганья и заслужил пристальное внимание сверстниц из школы. Но его это не интересовало, Фёдор с каждым днем наращивал свой спортивный уровень и готовился к городским, областным и всесоюзным соревнованиям. Каждый его успех на ринге, безусловно, радовал отца и младших сестёр, но вызывал недовольство матери. Она, как и все мамы, считала этот спорт для своего ребёнка опасным и безжалостным.

– Спорт, сынок, должен приносить удовольствие всем, а в вашем мордобое один страдает, его родные страдают, и только победитель – нет, хотя и ему для своей победы тоже надо пройти через страдания. Что же это за спорт? Другое дело – бег, прыжки или шахматы, там только переживания, – говаривала она сыну.

– Мам, но не всем же быть шахматистами, для этого голова нужна, как Дом Советов, а мне не под силу эти многоходовки, зато бокс, мам, это моё, – отвечал Федор.

Был один случай. Пошли они как-то с мамой на рынок, она взяла его помочь сумки донести. И, лавируя среди рядов, вдруг малолетний вор, возраста Федора, выхватил у неё сумку и бросился наутёк. Женщина машинально бросилась вдогонку за ним, и Фёдор соответственно тоже. Пробежав несколько метров, воришка неожиданно для себя оказался на заднем дворе рынка, откуда совсем не было выхода. Возможно, свою смелость Федор унаследовал от мамы, женщина, не испугавшись преступника и загнав его в угол, решительно двинулись на него. Малолетний негодяй стал ругаться и огрызаться на неё, словно загнанный пес, который лает на своих преследователей. Он выбросил в сторону сумку, но к этому времени подоспел Фёдор, сгруппировавшись и не раздумывая, он нанес сокрушительный удар в подбородок. Зубы вора клацнули, будто стальные засовы, и, издав гортанный рык, он опустился на одно колено, в правой руке у него сверкнул перочинный нож. Фёдор, не раздумывая, резким движением ноги выбил нож из рук преступника и левым боковым ударом уложил воришку в нокаут. Поднял мамину сумку и сказал:

– Теперь ты понимаешь, что такое бокс?

– Сынок, а дышит парень-то этот, не зашиб ты его?

– Дышит, чё с ним будет, я же так, не сильно приложился.

В этот момент, распластавшийся на земле хулиган приподнял голову, из опухшей губы его сочилась кровь.

– Вона, гляди, мам, он ещё и голову держит. А ну, лежать, гад! – Фёдор сделал устрашающий жест из комбинации кулаков. Преступник съёжился от страха.

– Будя тебе, Федь, пойдем домой, не заладилось сегодня с рынком, – позвала его мать.

По дороге к дому она попросила Фёдора не говорить отцу о происшествии. Он был строгий и крайне раздражительный, сказывалась профессиональная деятельность, и после пережи-

того собственного стресса женщина совсем не хотела подвергать мужа психическим переживаниям.

Достигнув шестнадцатилетнего возраста и значимых успехов в спорте, Фёдор решил уйти из школы на завод. Семь классов он кое-как окончил, но вот учиться дальше не желал. Оно и понятно, к наукам он был неохочий, да и спорт занимал все его свободное время. Отгуляв лето, Федор устроился в механический цех подмастерьем и стал трудиться. Днём работа, вечером тренировки. По выходным тренировки, по праздникам тренировки, каждый день, каждую свободную минуту. Даже в цеху Фёдор смастерил из кожи и опилок грушу и повесил её возле курилки. И когда мужики устраивали перекур, он неистово лупил грушу.

– Ты, Федька, не иначе как железным стать хошь? – говаривали курильщики.

– Я вашу махорку не признаю, она мне нелюба, и железным стать не смогу, вона на мне кожа, – серьёзно отвечал Фёдор.

На заводе он очень быстро снискал к себе уважение у старших. Работу свою выполнял добросовестно, от дополнительной не отказывался, природный ум, воля и хватка позволили ему за короткий срок овладеть всеми премудростями профессии, и уже к девятнадцати годам он получил должность мастера цеха. Только с боксом пришлось распрощаться. И не по собственной воле, а по настоянию врачей. Как только ему исполнилось восемнадцать, тренер решил подготовить Фёдора к всесоюзному турниру среди взрослой категории. И в одном из спаррингов, отрабатывая защиту от боковых ударов, Фёдор пропустил один из таких ударов. Тренер готовил парня серьёзно, и силу свою не рассчитывал, удар пришёлся строго в челюсть, Федор попал в тяжелый нокаут и в момент падения ударился головой о табурет, стоявший в углу ринга. Мало того что получил сотрясение мозга, так ещё и рассечение затылочной части. Врачи настоятельно рекомендовали забыть про спорт на полгода минимум, а отец, не без помощи матери, строго наказал завязать со столь опасным занятием. И, по прошествии полугодовой вынужденной дисквалификации, Фёдор понял, что ему уже не догнать упущенного мастерства. А периодические головные боли не позволяли ему полноценно вернуться в спорт. Время от времени он приходил в зал поколотить грушу, но без особого рвения, которое присутствовало ранее. По утрам перед работой совершал пробежки, в курилке продолжал бить по своей самодельной груше, но даже мужики заметили в нем перемены. Не было прежней молодецкой злости, так необходимой для победы. Все реже он посещал вечерние тренировки. И, чтобы занять высвободившиеся вечера, Фёдор поступил в вечернюю школу. Как и прежде, учеба давалась ему с трудом, но приобретенные за годы тренировок упорство и воля к победе приносили свои плоды успеха, и через два года у него уже был полноценный аттестат зрелости. Дальше – больше. На производстве Федор вступил в ряды Коммунистической партии и начал стремительно подниматься по служебной лестнице. Окончил Институт Маркса и Энгельса, был избран в профком завода, где возглавил сектор профессионально-технического воспитания молодежи. Будучи совсем еще молодым человеком, он делал головокружительную карьеру, этого не могли не замечать лучшие комсомолки и передовицы производства. Он вдруг заметил, что противоположный пол интересуется им. Это выглядело по-разному, но всегда предсказуемо. Иногда в заводской столовой на обеде к нему за стол могла подсесть девушка, а более решительные особы женского пола приглашали его на танцы в парк. Федор никогда не отказывался от предложения посетить танцы. Случалось, что две, а то и три одновременно девушки назначали ему встречу в городском саду. И он со всеми появлялся на танцплощадке. Шпана ему бесконечно завидовала и даже подражала. Причем во всем – в походке, в причёске и даже в одежде. Однажды мама Федора из старых штанов отца пошила для него брюки, она иногда перешивала старые вещи, был у нее такой дар. Брюки получились достаточно широкими в штанинах и походили на трубы. И после посещения Федором в них городского сада все завистники и пересмешники пошили себе подобные. Так в городе стал проявляться свой стиль. Но ни девушки, ни танцы так не увлекали молодого парня, как работа и карьера. Он жаждал

своей работы, он был в нее влюблен. Федор не пропускал ни одного мероприятия, будь то субботник, или вечерка. Все заводские собрания, проходившие по партийной линии, не обходились без его выступления с трибуны. Он искренне верил в светлое будущее своей страны, в свое будущее и будущее своей семьи, ставшей в два раза больше после его женитьбы на Матроне и рождения детей, и старался всеми силами приблизить это будущее. И тут случилась война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.